Дождь всё ещё моросит, когда я захожу в душ.
Тёплая вода стекает по коже, смывая пот, грязь дорожки и... третье место. Я зажмуриваюсь, позволяя струям бить сильнее, чем нужно.

Третье. Чёртово третье место.

Гром справился хорошо. Даже очень хорошо для первого серьёзного забега. Он чувствовал мокрую дорожку, держал темп, не нервничал. Всё как мы и планировали. Но всё как планировали — это не победа. Это не то, ради чего я вышла на ипподром.

Я вытираюсь медленно, механически.
Когда я выходила с арены, старалась держать лицо ровным. Даже ухмыльнулась кому-то — не помню кому. «Неплохо для старта», — бросила одному из конюхов. Голос не дрогнул. Руки не тряслись. Я даже нашла в себе силы похлопать Грома по шее, прежде чем его увели.

Лжёшь. Ты всегда лжёшь.

Пустые трибуны встречают меня тишиной.

Дождь усилился, но я не обращаю внимания и сажусь на мокрую скамью, достаю сигареты. Первая затяжка — горькая, обжигающая. Вторая — уже легче. Третья...

Почему третье место?

Гром мог лучше. Я могла лучше. На повороте мы могли взять чуть левее, оставить больше пространства. На финише... чёрт, на финише мы просто держали темп. Как будто нам было достаточно просто участвовать.

Я затягиваюсь глубже, позволяю дождю мочить волосы.
Курогири верит в баланс. В терпение. В то, что нельзя выложиться полностью в первом же забеге. Может, они правы. Может, это стратегия.

Но я ненавижу стратегии, когда речь идёт о победе.

Серебряная серьга в ухе холодит кожу. Я тереблю её пальцами — привычка, которая появляется, когда я нервничаю. А я не нервничаю. Я злюсь. Злюсь на себя, на Грома (несправедливо, он ведь старался), на эту чёртову дорожку, на дождь, на всё.
Третья сигарета. Дождь не собирается прекращаться.

Я обещаю себе: следующее третье место будет последним. Либо первый, либо... лучше не думать о “либо”.

Юрэйбана помнит каждого, кто дошёл до конца.

А я хочу, чтобы она запомнила меня победителем.

